

Прохоров Георгий Сергеевич*

*доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры литературы
Московского государственного областного
социально-гуманитарного института
(Коломна, Российская Федерация)
prokhorov_goscha@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2015.4

**СМЕРТЬ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА ДОСТОЕВСКОГО
В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТАХ**

Аннотация: От официального разбирательства по поводу скоропостижной смерти М. А. Достоевского, отца писателя, остались разрозненные, вторичные документы. Среди них — формулировка причины смерти. Опираясь на судебно-медицинские руководства, мы восстанавливаем контекст и пытаемся прочитать результативную часть заключения каширского уездного врача И. И. Шенкнехта, вскрываем внутреннюю цельность текста, равно как и его соответствие представлениям и нормам 1-й половины XIX века.

Ключевые слова: текст и контекст, дискурсивные практики, контекстуальное прочтение, М. А. Достоевский

«Сего июня 6 числа утром надворный советник Михайла Андреев Достоевский, имея от роду 54 года, распорядившийся имением покойной его жены Каширского уезда в селе Даровом, быв в поле за возившими крестьянами навоз, скоропостижно умре. По произведенному временным отделением сего суда следствию в насильственной смерти его, г-на Достоевского, сомнения и подозрения никакого не оказалось, а последовала она, как свидетельством уездный штаб-лекарь Шенкнехт удостоверяет, от апоплексического удара вследствие сильных геморроидальных напряжений, от коих привычного пособия не было принято.

Дело о сем имеет быть отослано в Каширский уездный суд, о чем Вашему превосходительству суд сей честь имеет донести, равно и Тульскому губернскому правлению донесено сего же числа.

Старший заседатель Колесников»¹.

Такое донесение тульскому гражданскому губернатору А. Е. Аверкиеву было составлено Каширским земским судом 16 июня 1839 года за номером 3079. До реформ 1862–1864 годов полицейскими расследованиями ведал суд, вне городов — земский суд, то есть самая низшая судебная инстанция. Об итогах расследования этот суд извещал гражданского губернатора и параллельно передавал полученные результаты в уездный суд на рассмотрение и утверждение. Само расследование потребовалось, поскольку нормами того времени «запрещалось прежде осмотра судебно-медицинского предавать земле следующие трупы <...> д) людей, бывших по видимому здоровыми и умерших скоропостижно от неизвестной причины»². Случившееся с М. А. Достоевским было особенно подозрительным: в то время инсульт не считали скоротечным заболеванием: «...обыкновенно ни апоплексия, ни пострел <здесь: асфиксия. — Г. П.> не причиняют внезапной смерти, за исключением так называемой нервной апоплексии, которая не оставляет после себя никаких следов в трупе»³. Представление изменится лишь к 1870-м годам: «В жизни человека немало встречается таких обстоятельств, под влиянием которых нередко расстраивается здоровье, а иногда и самая жизнь внезапно подвергается явной и скорой опасности. К числу таких обстоятельств относятся все скоротечные и часто смертельные случаи, как то: апоплексический удар или апоплексия головного мозга...»⁴.

Фактическая сторона дела такова. Утром 6 июня (по старому стилю) М. А. Достоевского, когда он находился в поле близ Дарового, одной из своей деревень, хватил инсульт. Умер он не сразу. Во всяком случае, крестьяне успели послать в г. Зарайск (Рязанская губерния) за тамошним доктором И. Х. Шенроком (отцом гоголеведа В. И. Шенрока, коллеги по московской классической женской гимназии С. Н. Фишер племянницы Ф. М. Достоевского и последней владелицы Дарового М. А. Ивановой [12, 179–193], [13, 335–358]). Будучи коммерческим врачом, И. Х. Шенрок не имел права осуществлять судебно-медицинские экспертизы и подписывать официальные документы (тем более на территории другой, Каширской, губернии). Следовательно, его вызывали еще живому М. А. Достоевскому, чтобы помочь. Однако прибыв в Даровое около полудня, доктор обнаружил своего коллегу уже умершим. По фиксации смерти был вызван пристав 2-го стана Каширского уезда И. Силич, который санкционировал проведение положенного по закону судебного разбирательства. Поскольку уездный центр, Кашира, отстоит от Дарового на 50 км, то следственная группа («особое отделение») могла быть сформирована не ранее 7 июня. Проведение вскрытия разрешалось только в дневное время. Следовательно, оно пришлось скорее всего на 8 июня (ср. из письма М. М. Достоевского к А. А. и А. Ф. Куманиным от 30 июня: «Боже мой, какую ужасною смертью умер папенька! два дня на поле... может быть, дождь, пыль ругались над бранными останками

его»⁵), но может быть, и на 9-е число. К 16 июня все материалы разбирательства были собраны, обобщены и ситуация казалась полностью проясненной.

В настоящей статье мы постараемся прочитать оставшиеся от этого изначального разбирательства документы в контексте судебно-медицинских практик 1-й половины XIX века. Несмотря на расхожее мнение, будто в первой половине XIX века русская криминалистика была совершенно не развита, в действительности к 1839 году имелись четкие рекомендации и регламенты. В это время существовали, как минимум, 5 судебно-медицинских руководств: переводные «Избранные места судной медико-хирургической науки» Я. Пленка (пер. Ив. Кашинского. СПб., 1799), «Карманная книга для присяжных врачей и хирургов при судебных вскрытиях мертвых тел» Ф.Г. Роозе (пер. Мар. Брунера. М., 1807), адаптация на русской почве штабс-лекарем Брыковым «Судебной медицины» Лесье, Ренара, Лесне и Рие (СПб., 1823), оригинальные «Опыт руководства к судебно-врачебной науке» В. Тиле (М., 1826) и «Краткое изложение судебной медицины» С. А. Громова (СПб., 1838). В «Военно-медицинском журнале» регулярно публиковались материалы на судебно-медицинскую тематику, в частности, статьи по токсикологии А.П. Нелюбина, по судебной анатомии Г.П. Буяльского, Г.И. Блосфельда. Чуть позже — последний станет автором монографий «Начертание судебной медицины для правоведов» (Казань, 1847); «О влиянии судебной медицины на судопроизводства» (Казань, 1848), «О правах утробных и новорожденных недоношенных младенцев вообще» (Казань, 1856). Криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия в это время были сферами особого научного интереса (как в Европе, так и в России). Эти наработки задают определенный дискурс, в рамках которого стоит попытаться прочитать документы разбирательства. Хотя по вопросам, связанным со смертью М. А. Достоевского, существует обширная литература [1, 194–209], [2, 250–261], [3, 85–125], [4, 56–58], [5, 38–42], [6, 209], [7; 8, 13–14], [9, 49–61], [10, 131–134], [11, 87–94], [14, 217–220], [15, 18–19], [16, 15–29], [17], [18, 131–193], [19], [20], [21, 75], [22, 58–71], [23, 7–8], [24, 25–33], [25], задача осмыслить материалы, исходя из норм медицинского и юридического семиозиса XIX века, не была поставлена и, соответственно, не была решена.

С момента публикации Г. А. Федоровым выписок из полицейских материалов [17] остро встал вопрос, как относиться к данным документам и можно ли им доверять. Категорически отрицательный ответ давала В. С. Нечаева: «...кажется несколько наивной уверенность Г. А. Федорова в возможности обнаружить в архиве николаевского суда 30-х годов, среди хранимых документов, следы “фальсификации” приговора» [11, 91, 93–94]. К отрицательному ответу склоняется и И. Л. Волгин: «...наивно полагать, что российские уездные лекари, у иных из которых, если вспомнить классику, больные “выздоровливают как мухи”, исполняют свой долг со скальпелем в одной руке и новейшим (1832 года) “Кратким изложением судеб-

ной медицины для академического и практического употребления» в другой. Увы, Россия — не правовое государство» [3, 120]. В обоих случаях мотивация близкая: стоит ли с доверием относиться к документам, которые могли быть сфабрикованы? В контексте советской и постсоветской истории мы понимаем подобный скепсис, но не разделяем его как дискурсивную основу для прочтения. Поставить под сомнение и заподозрить в фальсификации можно любой документ, когда бы, кем бы и зачем бы он ни был создан. На наш взгляд, приблизиться к пониманию, что случилось в Даровском поле 6 июня 1839 года мы можем (может быть, можем) лишь в том случае, если прочитаем сохранившиеся материалы (материалы разные: полицейские, мемуарные, фольклорные) в рамках присущих им дискурсивных норм и стратегий. Только после прочтения у нас откроется возможность сопоставить разные версии и решить, чему и почему мы больше верим. Именно поэтому мы должны максимально ответственно и точно понять сами тексты, в том числе и версию уездного медика И. И. Шенкнехта — на чем она строится? какие резоны ее поддерживают? почему суд, зная все версии, предпочел именно ее? почему суд и семья предпочли разные версии?

После обнаружения «мертвого тела» (со следами насилия, равно и без оных) назначенный губернатором особый «удаленный» сотрудник земского суда, становой пристав, должен был обратиться в свой земский суд с просьбой о командировании следственной группы («особое отделение») и — параллельно — в уездную врачебную палату с истребованием врача. На последнем лежала ответственная задача — сформировать заключение, которое был определяющим для дальнейшего хода следственных действий:

«Врач, назначенный судом или какою другою властью для вскрытия тела, дабы определить как свойство и место повреждения, так и причину смерти, должен понимать важность и трудность своего назначения, <...> его наблюдения и заключения из оных выведенные будут иметь великое влияние впоследствии...»⁶.

После окончания работы врач составлял заключение в двух экземплярах и отправлял один в уездную врачебную палату на обсуждение и утверждение, а другой — в суд:

«По представлении свидетельства по принадлежности в судебное место врач в то же самое время обязан препроводить копию с него при особенном рапорте во врачебную управу или к ближайшему своему медицинскому начальству, чтобы оно <...> могло заблаговременно пополнить или исправить их и через то отвратить как излишнюю проволочку дела, так и самого врача предотвратить от дальнейшей строгой за то ответственности»⁷.

Лишь после утверждения палатой заключение становилось юридически значимым документом.

Таким образом, от экспертизы каширского уездного врача, Ивана Ивановича Шенкнехта, должны были остаться следующие документы:

- 1) заключение об обследовании «мертвого тела» М. А. Достоевского;
- 2) копия заключения, внесенная в Журнал Тульской врачебной палаты;
- 3) акт об утверждении заключения Тульской врачебной палатой;
- 4) отсылки к результативной части заключения в следственных материалах.

Центральные документы — собственно заключение и его копия — до нашего времени не дошли. Первое, вероятно, было утрачено после Судебной реформы 1864 года и реформировании местных хранилищ судебной документации (в архив Министерства юстиции принимались дела до XVIII века включительно). Второе — погребено совсем недавно: журнал Тульской врачебной палаты за 1839 год выведен в 2002 году из состава хранящихся в Государственном архиве Тульской области документов⁸.

До нас, соответственно, дошли лишь выписка из протокола об утверждении экспертизы и отсылки в следственных материалах. Из последних нам известна резолютивная часть заключения: «<смерть. — Г. П.> последовала ему, как видно из свидетельства Каширского уездного штаб-лекаря Шенкнехта, от апоплексического удара, вследствие сильных геморроидальных напряжений, от коих привычного пособия принято не было»⁹. Что в рамках дискурсивных норм 1-й половины XIX века означает данная формулировка?

Апоплексия в терминологии XIX века — это общее обозначение острых нарушений мозгового кровообращения (инсультов). Однако смысловой центр формулировки вовсе не это слово. Инсульт инсульту рознь: в одном случае он развивается самопроизвольно, в другом — спровоцирован (например, отравлением или побоями). Он может развиваться под внешним воздействием закономерно, а может — как побочное, акцидентальное следствие. Отсюда проистекает фундаментальная разница: в первом случае можно говорить об убийстве или о покушении на убийство, а во втором — лишь о несчастном случае. Все эти нюансы оказались некогда опущены В. С. Нечаевой в ее критике Г. А. Федорова и обнаруженных им документов: «Мы продолжаем оставаться уверенными, что убийство, или покушение на убийство, сопровождаемое апоплексическим ударом, имело место» [11, 96]. Однако с юридической точки зрения разница огромна. Более того, нюансы того, что можно, а что нельзя считать убийством, покушением на убийство и т. п., детально дискутировались русскими юристами XIX века. Вспомним прекрасную по своей проблемности, остроте и в каком-то смысле провокативности книгу С. И. Баршева «К учению о покушении» (М., 1865). В таком разрезе смысловой акцент падает не на «апоплексический удар», а на фрагмент «<вследствие. — Г. П.> сильных геморроидальных напряжений, от коих привычного пособия принято не было». Они-то и есть выявленная И. Шенкнехтом конечная причина смерти М. А. Достоевского. Но что такое эти «геморроидальные напряжения»? И о каких «привычных пособиях» (и для кого привычных) идет речь?

Такого словосочетания — геморроидальные напряжения — не существовало в качестве устоявшегося термина (во всяком случае, просмотренные нами материалы по судебной медицине его не содержат). Поэтому сказать наверняка, что здесь имел в виду И. И. Шенкнехт, невозможно, тем более в отсутствие акта с результатом вскрытия тела М. А. Достоевского. Однако напрашиваются две возможные интерпретации.

Можно прочитать «геморроидальные напряжения» в современном значении. Медицина XIX века прекрасно знала термин геморрой (впрочем, предпочитала использовать вместо него почечуй)¹⁰. Тогда «геморроидальные напряжения» — это запор. Медицина 1-й половины XIX века указывала на способность запора спровоцировать инсульт.

Более вероятно прочтение «геморроидальный» как в современном смысле «геморрагический». Дело в том, что в XIX веке геморрой рассматривался прежде всего как системное сосудистое заболевание, связанное с процессами тромбообразования и варикозным расширением вен¹¹. (Потому в языке медицины 1-й половины XIX века диагноз «геморрой» употреблялся и для обозначения любых кровотечений, вызванных повреждением вен и тромбозом¹².) Степень сближения понятий «геморрой» и «геморрагия» варьировалась (от их принципиального разведения до полного тождества): «Почечуйные стремления состоят в приливе крови к голове <...> в скором, сильном и неправильном пульсе <...>. При приливе крови к голове замечается <...> шум и звон в ушах, искры и пятна пред глазами...»¹³.

При таком прочтении интенция И. И. Шенкнехта состоит в указании на вызванный старческим износом сосудов и гипертонией инсульт как на причину смерти.

С сосудами дела у М. А. Достоевского, действительно, обстояли неважно (и возрастные изменения в кровяной системе были для него самого очевидны):

«Тебе известно, что я по летам моим, а более по неприятностям жизни привык отворять кровь, но как в Зарайске нет хорошего фельдшера, то из опасения, чтобы он мне не испортил руки, я сделал большую просрочку, болезнь со дня на день делалась худшею, к несчастью, в это самое время я получил от брата твоего, Фединьки, письмо, для нас всех неприятное <...>, это меня, при болезненном состоянии, до того огорчило, что привело в совершенное изнеможение, левая сторона тела начала неметь, голова начала кружиться; тут я призвал Бога на помощь, послал за фельдшером, который измучил меня четырьмя разрезами до того, что я претерпел 4 обморока, не помню как наконец он успел мне пустить кровь, эта операция меня пооблегчила» [9, 119–120].

«Привычные пособия» в таком случае — это кровопускание, которое, действительно, было обычным средством профилактики инсульта, причем не просто в культуре XIX века, но и лично для М. А. Достоевского. Вероятно, в лето, когда «...рабочие лошади часто подвергались скоропостиж-

ным ударам от солнечного зноя»¹⁴, Михаил Андреевич по каким-то причинам снова пропустил курс кровопускания.

Вне зависимости от того, какой точный смысл мы вложим в «геморроидальные напряжения», очевидно, что в обоих случаях нет и тени намека на убийство.

Однако как была получена данная формулировка и каким образом врач мог установить инсульт?

Основная задача уездного врача в ходе судебно-медицинского обследования покойного состояла во вскрытии¹⁵. В ходе последнего И. Шенкнехт должен был обнаружить патологоанатомическую картину геморрагического инсульта (похожую на приведенную в примечании 15). Вскрытие и вообще работа над «мертвыми телами» была своеобразной визитной карточкой медицины XIX века. Начинали упражняться студенты-первокурсники, причем в первом же триместре: «В течение сентябрьской трети сего 1809 года преподавал я практически учение анатомическое, костесловие и большую часть мышцесловия <...>. Сверх сего занимались они практическим трупоразъятием, а особливо по части мышцесловия»¹⁶. Затем в прозекторской упражнялись на протяжении всего срока обучения¹⁷, с опорой на анатомический театр читалась хирургия: «Экстраординарный профессор г. Миронович показывал учащимся на трупе следующие операции...»¹⁸. Цитаты приведены из дел, отражающих учебу самого М. А. Достоевского в Московском отделении Императорской медико-хирургической академии, но справедливы они, вероятно, и для медицинского факультета Московского императорского университета чуть более позднего времени (Шенкнехт — выпускник 1824 года). Манипуляции подобного рода входили в состав всех итоговых медицинских экзаменов (равно как и проверка знаний в области судебной медицины). Например, из программы экзамена на начальное медицинское звание лекаря: «Предметы, в коих желающий получить звание Лекаря экзаменуется, суть следующие: <...> 15 судебная медицина. <...> Выдержавший такое испытание, обязан: а) Сделать анатомико-физиологическую демонстрацию какого-либо органа или части тела, б) Вскрыть мертвое тело по правилам судебной медицины, в) Сделать хирургическую операцию на мертвом теле, с описанием подвергающихся операции частей <...>. Сии испытания производятся в присутствии профессоров, каждого по своему предмету»¹⁹.

К 1839 году И. И. Шенкнехт был опытным врачом. Позади были 15 лет работы в Лодейном Поле, Богородицке, Кашире, сдача экзаменов на звание акушера и штаб-лекаря. Да и университет он закончил с прекрасными результатами (лекарь первого отделения²⁰). Не отличить следы апоплексического удара с разлитием крови он, конечно же, не мог. Пропуск гематом, порезов, повреждений внутренних органов, можно предположить, лишь допустив фронтальную фальсификацию дела, равно как и отказ от проведения вскрытия. Осторожное сомнение в последнем допускает И. Л. Вол-

гин: «Еще один немаловажный вопрос: производилось ли вскрытие? По закону оно вроде должно было быть. Однако об анатомировании упоминает лишь Андрей Михайлович, и то вскользь. В судебных материалах на это обстоятельство нет никаких ссылок» [3, 122]. Впрочем, если вскрытия не было, то что же утверждала и ревизовала Тульская врачебная палата? — «1839 года июня 22-го, четверток, по наличности одного присутствующего в рассмотрении дел не было, а 23 дня, пяток, прибыв в Тульскую врачебную управу господа присутствующие: инспектор статский советник и кавалер Миллер, оператор коллежский советник и кавалер Бер в 3-м часу по полуночи слушали рапорты уездных врачей с копиями с свидетельств о мертвых телах <...> № 581. Каширского от 16 июня № 90м о надворном Советнике Достоевском. Приказали приобщить к таковым же. <...> Скреплено печатью и исходящая послана 24 июня»²¹. Стиль документа показывает, что для членов палаты заключение И. И. Шенкнехта ничем не отличалось от множества других. Но для данного жанра нормой было описание результатов вскрытия, а значит, отсутствие последнего должно было бы удивить членов палаты и как-то проявиться в протоколе. Кроме того, отметим: несмотря на претензии к работе следственной группы, ни одна из инстанций не высказывала никаких замечаний к заключению И. Шенкнехта. В случае же возникновения сомнений для перепроверки результатов судебно-медицинской экспертизы могла быть назначена, согласно законодательству, эксгумация и проведена повторная экспертиза.

Врач в следственную группу не входил, подчинялся не каширским судебным инстанциям, а Тульской врачебной палате. Сочувствовал крестьянам? — Уж в этом заподозрить И. И. Шенкнехта трудно: «Находился под судом в 1833 году за нанесение обиды крестьянину графини Орловой Филиппу в 2 ударах рукою по лицу, по коему делу присуждено взыскать с него в бесчестие десять рублей, но по положению Комитета г.г. министров 9 и 23 января 1835 года Высочайше ему оштрафованием считать препятствие к получению наград, кроме знака отличия беспорочной службы»²². Врачу не было никакого смысла фальсифицировать заключение и подвергать себя риску уголовной ответственности (суд в дальнейших действиях опирался на его заключение, то есть «крайним» был бы доктор).

Сопоставив дошедшие до нас фрагменты полицейского расследования с дискурсивными практиками судебно-медицинских отчетов и норм 1-й половины XIX века, видим, что составленные тексты органично вписываются в судебные практики того времени и прочитываются в их контексте. Спровоцированный хронической гипертонией апоплексический удар — мотивированный вывод независимого от следственной бригады официально назначенного врача Ивана Ивановича Шенкнехта.

ПРИМЕЧАНИЯ

* © Г. С. Прохоров, 2015

- ¹ Государственный архив тульской области (ГАТО). Ф. 90. (Тульский гражданский губернатор) Оп. 1. — Т. 20. — № 15246. — Л. 38–38 об. (Ведомость о происшествиях в Тульской губернии в течение 1-й половины Июня 1839 года).
- ² Устав о медицинской полиции // СвЗРИ. 1839. Т. XIII. п. 537. Ср.: Тиле В. Опыт руководства к судно-врачебной науке. М., 1826. С. 54–55, 58.
- ³ Блосфельд Г. И. Начертание судебной медицины для правоведов. Казань, 1847. С. 177; Ср.: Громов С. А. Краткое изложение судебной медицины. СПб., 1838. С. 253.
- ⁴ Глинский, Н. Ф. Об апоплексии мозга, или постреле. СПб., 1874. С. 3.
- ⁵ Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 662.
- ⁶ Лисье, Ренар, Лесне, Риё. Судебная медицина. СПб., 1823. С. 117.
- ⁷ Громов С. А. Указ. соч. С. 107. Ср. Тиле В. Указ. соч. С. 84.
- ⁸ См. опись 2-ю 75-го фонда ГАТО, где под № 673 числится дело «Журналы заседаний Тульской врачебной управы за 1839 год».
- ⁹ ЦИАМ. Ф. 2150. Оп. 1. № 108. Л. 290 об. (Книга для записей определений суда за 1839 год).
- ¹⁰ По геморрою к 1840 г. существовала весьма значительная литература: Бутковский П. А. Подробное и основательное наставление распознавать и лечить геморроидальную болезнь. СПб., 1830; Рихтер Ф. Наставник для страждущих почечуем (геморроем). М., 1831; Шклярский В. О распознавании и лечении геморроидальной болезни. СПб, 1838; Риттер Х. Новый, вернейший способ лечения геморроя холодной водой. М., 1839.
- ¹¹ Бутковский П. Указ. соч. С. 108–111.
- ¹² Там же.
- ¹³ Риттер Х. Указ. соч. С. 27; Бутковский П. Указ. соч. С. 268.
- ¹⁴ Бунин Н. А. Отчет по сельскому хозяйству за 1839 год // Земледельческий журнал. М., 1839. № 4. С. 335.
- ¹⁵ Причем во вскрытии полном. Врачу рекомендовали начинать с наиболее подозрительной полости, но заканчивать вскрытием всех систем организма. Вот типичный образец описания того времени:
«1839-го года декабря 31-го воскресенье, 1840-го года генваря 1-го понедельник присутствия не было. А 2-го числа вторник. В присутствие Рязанской врачебной управы прибыли инспектор статский советник кавалер Недригайлов, оператор медико-хирург Голицынский, акушер штаб-лекарь Пучковский. {По полуночи в 10-ть часов.} Слушали:
Рапорт Рязанского уездного лекаря Круглова от 29-го декабря с № 211-м пущенный, а сею управою 30-го декабря полученный, с приложением копии с свидетельства, в коей написано: 1839-го года декабря 19-го дня по отношению рязанского пристава 2-го стана за № 1377-м отправился он в село Константиново для открытия причины смерти скоропостижно умершей княгини Долгоруковой крестьянской женки Дарьи Трофимовой; прибывши на место, при приставе Леонове и при понятых сторонних людях приступил к наружному осмотру, по коему оказалось: что оно тело лежит в избе на лавке лицом вверх, руки сложены на груди, ноги протянуты прямо, задняя

поверхность тела покрасневшая от лежания тела по смерти. От роду умершей по-видимому было более 35 лет, телосложения среднего.

Из производства следствия видно, что Дарья 16-го декабря страдала головною болью от угара, 17-го декабря просила мужа своего, по утру легшего на печь, слезть с оной, ибо в комнате угарно. Он слез. Хотел молиться Богу, ибо было воскресенье; в то время Дарья заохала и стала как бы задыхаться; мужик ее побежал за священником, который в то время служил обедню, а потому ни исповедать, ни приобщить ее Святым Таин не мог и по приходе застали Дарью уже мертвою, которую от угару выносили на двор, откачивали, оттирали вином, но жизнь спасти не могли.

По внутреннему осмотру оказалось следующее. 1-е, по вскрытии наружных головных покровов кровоизлияния не было, кости черепа были целы. По снятии коих и отделении твердой мозговой оболочки оказалось весьма значительное излияние черной густой крови. Мозг и мозжечек были обременены кровию, в желудочках мозга было кровоизлияние. 2-е, в грудной полости находилось большое количество водянистой жидкости. Легкия с левого бока оказались приросшими к ребрам, в сосудах своих содержали много густой черной крови, в обоих желудочках сердца было много черной крови. 3е, в брюшной полости печень, селезенка, почки, кишки и матка были в натуральном состоянии, желчный пузырь содержал довольно количество темной жидкой желчи. Желудок имел натуральный цвет и был пустой, равно и мочевого пузырь.

А посему из всех им г. лекарем Кругловым найденных признаков и следует заключить, что смерть Дарьи Трофимовой произошла от апоплексического удара, произошедшего от угара, при содействии грудной водяной болезни <в современной терминологии — стенокардия — Г. П.>.

Приказали: утвердить оное свидетельство правильным, о чем и сообщить в Рязанский уездный суд» (ГАРО. Ф. 25. Оп. 1. № 184. Л. 1–1 об.).

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 31. № 5. Л. 1. (Рапорт профессора Ефрема Мухина об успехах учащихся).

¹⁷ «...все учащиеся <...> занимаемы были в анатомическом театре практическою анатомиею в свободное от учения время. <...> Многие из учащихся приобрели отличные успехи в анатомии и физиологии и за сделанные ими препараты получили одобрение и награждение от Конференции» (ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 32. № 45. Л. 1).

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 433. Оп. 33. № 2. Л. 17.

¹⁹ Приложения к Продолжению свода Уставов Врачебных // СвЗРИ. 1839. Т. XIII. Ч. 2. Ст. 13–19.

²⁰ Формулярный список Ивана Ивановича Шенкнехта цитируется по делу: ГАТО. Ф. 75 (Тульская врачебная управа). Оп. 3. № 346. Л. 35–36 об. *Выпускник первого отделения* — занявший одну из высших позиций в рейтинге выпускников, обладатель диплома с отличием (*cum laude*).

²¹ ГАТО. Ф. 75 (Тульская врачебная палата). Оп. 2. № 674. Л. 223–223 об.

²² Там же. Оп. 3. № 346. Л. 35–36 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгин, И. Л. К истории рода Достоевского / И. Л. Волгин // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 18 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. 18. — Москва : Воскресенье, 2006. — С. 194–209.
2. Волгин, И. Л. Родиться в России : Достоевский и современники : жизнь в документах / И. Л. Волгин. — Москва, 1991. — С. 250–261.
3. Волгин, И. Л. [Ред.] Хроника рода Достоевских / И. Л. Волгин — Москва, 2013. — С. 85–125.
5. Волоцкой, М. В. Хроника рода Достоевского : 1506—1933 / М. В. Волоцкой. — Москва, 1933. — С. 56–58.
6. Гроссман, Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. — Москва, 1962. — С. 38–42.
7. Гроссман, Л. П. Новое о Достоевском / Л. П. Гроссман // Красная нива. — 1925. — № 9. — С. 209.
8. Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман. — Москва, 1925.
9. Нейфельд, И. Достоевский : психологический очерк / И. Нейфельд ; под ред. проф. З. Фрейда. — Ленинград ; Москва, 1925. — С. 13–14.
10. Нечаева, В. С. В семье и усадьбе Достоевских : письма М. А. и М. Ф. Достоевских / В. С. Нечаева. — Москва, 1939. — С. 49–61.
11. Нечаева, В. С. Поездка в Даровое / В. С. Нечаева // Новый мир. — 1926. — № 3. — С. 131–134.
12. Нечаева, В. С. Ранний Достоевский : 1821–1849 / В. С. Нечаева. — Москва, 1979. — С. 87–94.
13. Прохоров, Г. С. Мария Александровна Иванова : дореволюционный портрет в постреволюционной оправе / Г. С. Прохоров // Летние чтения в Даровом : вып. 3. — Коломна, 2013. — С. 179–193.
14. [Прохоров, Г. С.] Письма М. А. и О. А. Ивановых к В. С. Нечаевой ; подгот. текста, вступ. статья и примечания Г. С. Прохорова // Достоевский и мировая культура. — № 30 (2). — Санкт-Петербург, 2013. — С. 335–358.
15. Прохоров, Г. С. Следственные мероприятия по делу о смерти М. А. Достоевского в контексте криминалистики того времени / Г. С. Прохоров // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. — Коломна, 2009. — С. 217–220.
16. Стонов, Д. Сельцо Даровое : очерк / Д. Стонов // Красная нива. — 1926. — № 16. — С. 18–19.
17. Тихомиров, Б. Н. Даровое и Черемoshня в неосуществленных художественных замыслах Достоевского / Б. Н. Тихомиров // Летние чтения в Даровом : вып. 3. — Коломна, 2013. — С. 15–29.
18. Федоров, Г. А. Был ли убит отец Достоевского? / Г. А. Федоров // Литературная газета. — 1975. — № 25. — 16 июня.
19. Федоров, Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Г. А. Федоров. — Москва, 2004. — С. 130–193 (републикация предыдущих статей).
20. Федоров, Г. А. «Помещик. Отца убили...» / Г. А. Федоров // Новый мир. — 1988. — № 10.
21. Федоров, Г. А. Сельцо Даровое / Г. А. Федоров // За новую жизнь. — Зарайск, 1981.
22. Фрейд, З. Достоевский и отцеубийство / З. Фрейд // Классический психоанализ и художественная литература. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 75 (оригинал — 1928 года).

23. Шульц, О. Светлый, жизнерадостный Достоевский / О. Шульц ; отв. ред. В. Н. Захаров ; статьи Н. В. Башмаковой, В. Н. Захарова, А. Е. Кунильского. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. — 368 с.
24. Neufeld, J. Dostojewski : skizze zu seiner Psychoanalyse / J. Neufeld. — Leipzig ;Wien ; Zuerich, 1923. — S. 7–8.
25. Frank, J. Dostoevsky: the Seeds of Revolt : 1821–1849 / J. Frank. — Princeton, 1976. — P. 25–33.
26. Fueloep-Miller, R. Dostojewskis Heilige Krankheit / R. Fueloep-Miller // Wissen und Leben : neue schweizer Rundschau. — Zuerich, 1924. — Heft 19–20.